

Александр Вельтман

Ольга

Александр Вельтман
Ольга

«Public Domain»

1837

Вельтман А. Ф.

Ольга / А. Ф. Вельтман — «Public Domain», 1837

В рассказе Александра Вельтмана «Ольга» перед несчастной воспитанницей развратного помещика со всеобнажающей ясностью открывается вся уродливость бесчеловечных отношений того мира, где она обречена жить, не имея ни своего угла, ни права голоса.

Александр Вельтман

Ольга

Бедная! Кто узнает, что у нее на сердце? Она молчит: у нее нет друга. В 16 лет так свойственны душе мысли, сердцу чувства и желания: они переполняют края и не смеют излиться, они кипят, как в водовороте, и не смеют шуметь посреди шума людского. Бедная! Везде для нее уединение. Благодеяние приютило ее с малолетства, обуло, одело, кормит ее, учит всему, учит быть добродушной, покорной, учит жить не по своей воле, внушает в нее скромность, вкореняет чувства благодарности. О, сколько задолжала она своим благодетелям; ее природная красота взлелеяна, ум развернут, одарен всем блеском образования, ее понятия благородны, душа готова сочувствовать любви и дружбе, но это все принадлежит не ей: она ничем не имеет права располагать, ничем не может пользоваться; в ней все под замком, и она сама, как ключница, подает то из вверенных ей богатств, что потребуют. Ее всю закупило светское великодушие. Спросите же у него, кто она: амбра или мускус? «Это грязь, – скажут, – но она напиталась нашим благоволением». Как прекрасен стан ее, который так осторожно носит роскошную одежду из боязни, чтоб не упрекнули в небрежении чужого добра; как хороши ее каштановые волосы, причесанные гладко, скромно; но они не распустятся локонами, чтоб не назвали это кокетством. Как томны ее черные глаза; но взоры, эти стрелы без лука, падают к собственным стопам. Как цветущи уста ее, но они как будто созданы только для ответа. Как чист, приятен звук ее голоса; но не орган ли она, который заводят по воле и на веселую и на грустную песню? А вся она – милое существо! Если б жив был Апеллес, он нарисовал бы ее посреди общего пира, облеченную в золотые ткани, но окованную не цветами, а железом. Дитя-любовь припало к ее стопам, обняло их, прилегло головкой к ножке и плачет.

Она со всеми и отстранена от всех; в толпе сверстниц она не подруга, в гостинной без голоса, повсюду без воли. Прилично ли ей участие в жизни того круга, в котором она приемыш, к которому привило ее благодеяние? У ней нет родных, но есть благодетели, для нее нет ни судьбы, ни счастья, но есть покровители; и какого счастья желать ей более? Оно уже излило на нее все дары свои: бесприютная сирота принята в дом, одарена всеми потребностями жизни; чего ж желать ей? Она за одним столом с богатством и почестями, для ночлега ей отведена теплая комната, ей платья шьют иностранки, ее возят с собой в карете. Чего еще ей остается желать, если она сравнена по образованию и по одежде с людьми значущими в свете? Нужно ли ей желать богатства, этого всеобщего идола, если она пользуется всеми дарами его? Как она счастлива! Счастлива; только ей нельзя забываться: она бы забылась, если б решилась обнаружить свои чувства, ум и желания; она бы забылась, ей бы напомнили не то, что она есть, но что была, если б она дала себе цену; ей бы напомнили о чем-то страшном: несколько слов, сказанных безжалостно о милосердии, совершившемся над ней, могут заставить увянуть цветущую ее молодость. Бедная! Кто из окружающих тебя понял тебя? Кто из свидетелей твоего молчания, посреди общего шума, был свидетелем твоих чувств? Кто был глух к ликованию беспечных и прислушивался к внутреннему голосу твоей души?

Есть ли о чем ей грустить: ей говорят, что она всем снабжена, всем одарена. Ее не учили грустить, но где же научилась она грусти? Может быть, с пятнадцати лет сама природа нашептала ей про иное счастье? может быть, сравнила она свою участь с участью подобных себе, равных ей по красоте тела и души? может быть, она поняла, взвесила себя? Но грусть ее была так тиха, так молчалива и таинственна для всего окружающего. Заботятся ли люди понять душевные нужды? или думают они, что только тело требует пищи и приюта, а у души нет жажды, а сердцу не нужно постороннего пламени? Тиха была ее грусть, мирна была жизнь ее; она, кажется, приучила душу свою ко всем недостаткам, привыкла жить по чужой воле, по чужому вкусу, по чужим желаниям, применилась ко всему. Но вдруг однажды, едва

румяное утро прояснило природу, вбежала она в избу садового сторожа, бледная, испуганная, в слезах; волосы ее в первый раз распустились в беспорядке по плечам.

– Ольга Владимировна! – вскричал старик Андреян, увидев ее как неожиданную гостью.

– Андреян, Андреян! – проговорила она.

– Барышня, что с тобою?.. чего ты испугалась?..

– Скрой меня до ночи...

Она не могла продолжать и, как изнеможенная, в беспамятстве, припала на колени перед стариком.

– Боже, царю небесный! Что с тобой сделалось, барышня!.. Ох, да встань же... Да чему случиться?.. ты, верно, нездорова, барышня? постой, я кликну...

– Нет! – вскричала Ольга, схватив его за полу. – Я здесь останусь до ночи, ночью уйду отсюда, куда глаза глядят!..

– Ольга Владимировна, – продолжал испуганный Андреян, – послушай старика... не огорчайся... Если барин или барыня рассердились на тебя, то простят... Они же тебя любят как родную... ей-ей любят! пойдем, Ольга Владимировна, я сам готов упасть за тебя в ноги господам, чтоб умилились, весь дом станет молить за тебя... Да встань же, Ольга Владимировна!..

И старик повалился в ноги перед стоящей на коленях Ольгой.

– Обещай исполнить мою просьбу...

– Да встань же!.. Ну, Божья святая воля! Что хочешь, только встань!..

– Скрой меня! – повторила Ольга.

– Ольга Владимировна, ты, верно, сроду не видала над собой грозы...

У старика капнули крупные слезы из глаз; он не знал, что подумать о бедной Ольге, он никогда не видывал таких слез.

«Верно, барыня рассердилась на нее, приказала оставить дом... – думал он. – Да за что ж на нее сердиться? Господи! Если уж на нее сердиться! Да нет, барыня... нет, она не то, чтобы добра, да не сделает этого... разве барин вспылит... он зол... Оба любили ее как родную дочь... То-то, не свое, верно, детище! и жалости нет! Вон, да и только!..»

В избе Андреяна, которая находилась в глубине сада, была только лавка да койка, на припечке горшочек, на столе сукрой хлеба, обвернутый в чистое полотенце, в переднем углу висел медный складен... Под ним села Ольга, закрыв руками лицо...

Бедная! кто узнает, что у нее на сердце? Она молчит, плачет без жалоб, у ней нет друга. Зачем она здесь? Отчего покровители ей только Бог да старый Андреян? Надолго ли приютило ее великодушие под свой роскошный кров? обеспечило оно ее судьбу, чтоб одно мгновение лишило ее этого временного мирного сна посреди мнимого довольствия жизнью? Кто знает причины, по которым с ужасом взглянула она в последний раз на сень своего младенчества? Все оставила она в нем, что ей не принадлежало, вынесла только душу и тело, но и то прикрыто чужой одеждой, за которую могут упрекнуть ее... И еще она унесла с собою образование, чужое образование, и память о прошлой жизни, унесла с собой привычки, не свойственные хижине, в которой она ищет теперь убежища.

Вдали послышались голоса.

Ольга очнулась с испугом, прислушалась...

– Идут, идут!.. – вскричала она. – Андреян... скажи, что меня здесь нет... скажи это...

И Ольга сложила руки на груди, встала перед ним с безмолвной, пламенной молитвой.

– Ольга Владимировна! – раздался женский голос близ самой хижины.

Старик испугался, вышел навстречу.

– Не видал ли, Андреян, Ольги Владимировны? Барыня спрашивает, а ее нет... Бог знает, где она!..

– Нет, не видал... не видал, – отвечал старик, стараясь произнести эти слова твердым голосом.

Заботливая беготня людей по саду для отыскания Ольги становилась более и более слышна... Андреян стоял подле дверей своей хижины, как окаменелый.

Несколько человек пробежало мимо его, повторяя вопрос: не видал ли ты барышни?

– Не видал, – отвечал он, – не видал!..

Сердце старика сильно билось: никогда не произносил он несправедливого слова, никогда не знал такой боязни. Но вот послышался голос самого барина. Старик, схватив метелку, начал мести около хижины. Несколько минут стоял он, не двигаясь с места и не смея поднять глаза; но наконец вокруг него все утихло, он осмотрелся, перекрестился, и глубокий вздох облегчил его душу.

Он вошел в хижину, осмотрел все углы... никого нет.

– Ольга Владимировна! – прошептал старик. Никто не отвечает.

Вышел в сени, осмотрел все углы, снова повторил: Ольга Владимировна! Нет ответа.

– Царю небесный, где же барышня!.. Верно, ушла она... ушла! Умири, Господи, гневное сердце!.. помилуй ее!

Успокоясь, старик разложил огонь, стал готовить себе скудный обед... Пообедал, лег соснуть; после отдыха принялся за работу – чинить свою обувь. Между тем день потух. В единообразной жизни старик не жаловался ни на долготу, ни на краткость дня. Когда потемнело, он снова принялся раскладывать огонь. Вдруг дверь скрипнула, приотворилась тихо; он вздрогнул и в первый раз перекрестился от страха: что-то белое мелькнуло сквозь приотворенную дверь, блеснули чьи-то глаза.

Дверь отворилась более; это была Ольга, но она боялась войти, чтоб окно, освещенное огнем очага, не изменило ей.

– Андреян! – произнесла она тихо.

– Ольга Владимировна! Где ты была?

– Андреян, – повторила Ольга, – благодарю тебя за приют... Но еще просьба моя к тебе: отвори мне калитку сада...

– Куда ты пойдешь?.. Помилуй меня старика, выслушай праведное слово, воротись домой!..

– Ты обещал исполнить мою просьбу...

– Нет, не пушу!

– Ты погубишь меня! – продолжала жалобным голосом Ольга.

– Не пушу, не пушу одну!.. Бог накажет тех, кто обидел тебя. Ты теперь сирота, да и я старик-горе; уж если нет тебе приюта в этом доме, пойду и я с тобой, Бог помилует нас; а одну не пушу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.